

УДК 316.356.2(47)
ББК 60.561.5(2Рос)
С 74

Дизайнер серии Д. Черногаев

Издание осуществлено
при финансовой поддержке
"Civic Education Project/SCOUT"

С 74 **Семейные узы: Модели для сборки.** Сборник статей.
Кн. 1 / Сост. и редактор С. Ушакин. — М.: Новое литературное
обозрение, 2004. — 632 с., ил.

Метафоры социального и кровного родства стали в последнее время едва ли не господствующей формой концептуализации политического, экономического и культурного развития: от «ельцинской Семьи» до «питерского клана», от «Солдатских матерей» до «батяни-комбата», от «солнцевской братвы» до «дедовщины», наконец, от «Моей семьи» до кинодилогии о «Брате».

Используя обширный исторический, социологический и культурологический материал, статьи, собранные в этой книге, пытаются объяснить привлекательность родственных связей и семейных уз. В первом томе сборника исследуются идеологические контексты существования семей, способы формирования семейных союзов, а также разнообразные бытовые тактики и половые стратегии семейной жизни.

Книга рассчитана не только на специалистов в области истории, социологии и антропологии семьи, но и на всех тех, кого интересуют тенденции трансформации семьи в настоящем и прошлом.

УДК 316.356.2(47)
ББК 60.561.5(2Рос)

ISBN 5-86793-281-8 (Кн. 1)
ISBN 5-86793-283-4

© С. Ушакин, сост., 2004
© Авторы, 2004
© Новое литературное обозрение, 2004

Содержание

Сергей Ушакин. Место-имени-я: семья как способ организации жизни 7

I. ФАМИЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ

Ян Еремеев. Психопэтика ссылки: сказка о декабристской Семье 55
Ирина Разумова. Родословие: семейные истории России 90
Александр Прохоров. «Человек родился»: сталинский миф о большой семье в киножанрах «оттепели» 114
Ольга Шабурова. Караваны историй: семейный нарратив в массовой культуре 134
Ирина Савкина. Род/дом: семейные хроники Людмилы Улицкой и Василия Аксенова 156

II. РОДСТВО ПО ВЫБОРУ

Ольга Казьмина, Наталья Пушкарева. Брак в России XX века: традиционные установки и инновационные эксперименты 185
Дэвид Л. Рансель. Посиделки, приданое, свадьба: организация замужества в сельской семье XX века 219
Мария Литовская, Елена Созина. От «семейного ковчега» к «красному треугольнику»: адюльтер в русской литературе 248
Надежда Нартова. Лесбийские семьи: реальность за стеной молчания 292
Брайан Джеймс Бэр. Отцы и дети и любовники: «голубые» родители в постсоветской России 316

III. БЫТОВЫЕ ТАКТИКИ

<i>Павел Щербинин.</i> «Соломенная вдова»: права и жизнь российской солдатки	335
<i>Сюзан З. Рид.</i> «Быт — не частное дело»: внедрение современного вкуса в семейную жизнь	360
<i>Нэнси Рис.</i> «Профиль» буржуазности: новая элита о себе	392
<i>Елена Ярская-Смирнова, Ирина Дворянчикова.</i> «Жила-была маленькая девочка, которая любила танцевать...»: семейные истории инвалидов-колясочников	420
<i>Илья Утехин.</i> Язык русских тараканов (к постановке вопроса)	452

IV. ПОЛОВЫЕ СТРАТЕГИИ

<i>Дмитрий Михель.</i> Супружеская спальня: к «святой святых» современной семьи и от нее	493
<i>Анна Темкина.</i> Половая жизнь в позднесоветском браке	515
<i>Анна Роткирх.</i> «Беспутная жизнь»: секс, семья и социальная мобильность в мужских автобиографиях	548
<i>Дмитрий Воронцов.</i> «Семейная жизнь — это не для нас»: мифы и ценности мужских гомосексуальных пар	576
<i>Валентина Котогорова.</i> Транссексуалы и организация семейной жизни	608

Сергей Ушакин

МЕСТО-ИМЕНИ-Я: СЕМЬЯ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЗНИ

...Семья — это как хорошая, еще крепкая машина, которую мир донашивает, — выбросить жалко, но нет смысла заводить заново.

Виктор Шкловский

Можем ли мы сказать, что семьи, которые не равняются на норму, а лишь отражают ее в определенно искаженном виде, являются плохими копиями [нормы], или же мы признаем, что сама многомерность реализации нормы сводит на нет ее идеальность?

Джудит Батлер

12 марта 2003 года в своем вечернем выпуске новостей канал *TBC* сообщил: «В Москве начались торжественные мероприятия по случаю юбилея Сергея Михалкова. 90 лет автору трех вариантов гимна и прославленному детскому писателю исполняется завтра». На несколько дней юбилей стал одной из основных тем телевизионных репортажей и многочисленных газетных публикаций. Однако и освещение торжественного вечера в Кремлевском дворце съездов (которому предшествовал визит Президента страны в только что отремонтированную квартиру поэта), и поток статей, посвященных феномену Михалкова, продемонстрировали своеобразный кризис «юбилейного жанра». Сложности с оценкой творчества «прославленного детского писателя» зачастую вели к смещению аналитического фокуса: в центре внимания оказывалось не столько собственно художественное наследие, сколько генеалогические связи и перечисление заслуг многочисленных дальних и близких родственников поэта. Интервью с поэтом, опубликован-

Нэнси Рис

«ПРОФИЛЬ» БУРЖУАЗНОСТИ: НОВАЯ ЭЛИТА О СЕБЕ*

Вместе с государствами на свет появились, по меньшей мере, две новые игры, имеющие касательство к гендерному вопросу. Одну, игру во власть и авторитет, мы назвали бы «патриаркней». В ней игрок-«отец» выступает по преимуществу политической фигурой, занимающей строго определенное место в иерархии и в качестве «главы» обязанной отвечать за семью перед государством. В то же самое время отец наделяется огромными властными полномочиями над другими членами семьи — женщинами и младшими мужчинами... В другую новую игру — в социальную мобильность — люди играют под влиянием неведомого им прежде желания подняться «наверх», благо теперь этот самый «верх» появился.

Шерри Ортнер (Ortner 1996, 15)

Сила мужчины равновелика силе нации, но в конечном счете она тождественна классовому положению мужчины.

Елена Гапова (Garova 2002)

В конце 1990-х годов, живя в Москве и собирая материал о «новой России» вообще и о классовых отношениях в частности, я регулярно покупала еженедельник «Профиль» — журнал, целиком посвященный высшим эшелонам российской политико-деловой элиты, ее проблемам и интересам. 90% публикаций мне, «культурному аутсайдеру», казались скучными. Будучи далекой от политики и политиков, я не чувствовала вкуса скандалов, разворачивавшихся на журнальных страницах; экономическая статистика и дискуссии о колебаниях рынка

* Пер. с англ. Н. Кулаковой.

«ПРОФИЛЬ» БУРЖУАЗНОСТИ: НОВАЯ ЭЛИТА О СЕБЕ

не привлекали меня, так как я не делала инвестиций в российский бизнес. Однако каждый номер «Профиля» содержал «изюминку», возбуждавшую мой этнографический интерес, — в рубрике «Вторая половина» помещалось обильно иллюстрированное четырех-шести-страничное интервью с супругой кого-либо из богатых и могущественных представителей высших эшелонов национальной элиты.

Поначалу в этих историях меня удивляла их немалая откровенность. В интервью речь шла о внутрисемейных отношениях элиты: о привычках супругов и о разногласиях по поводу разделения труда, о семейном времяпрепровождении и планировании крупных покупок и т.д. В советскую эпоху жизнь политической и культурной номенклатуры проходила в «занавешенном» социальном пространстве (иной раз занавешенном в буквальном смысле — например, плотными шторами на окнах магазинов «Березка»). Постсоветская элита тоже прячется от посторонних глаз — как в целях безопасности, так и для того, чтобы в какой-то степени скрыть свою обеспеченную жизнь. Но ее положение характеризует любопытный социальный парадокс, можно сказать, материализованный в загородных домах элиты: эти огромные и претенциозные виллы почти полностью скрыты от посторонних взглядов окружающими их высокими заборами.

Именно поэтому мне показалось странным то, что жены известных политиков, крупных банкиров, индустриальных и торговых магнатов, звезд кино, театра, музыки и спорта так широко открывают двери своей семейной жизни. Однако, прочитав в 1997—1998 годах изрядное количество историй «Второй половины», я увидела, что, благодаря тщательной совместной работе журналистов и героинь, все они весьма взвешенны в плане содержания и меры откровенности, одинаково структурированы и написаны в одном стиле¹. Анжелика Морозова, редактор отдела «Светская хроника» и один из соучредителей «Профиля», подтвердила мне это в нашей беседе:

Любой материал мы даем на согласование. Все, что женщина не хочет, она может убрать... Мы не хотим копаться в белье, такой цели мы не преследуем. В рубрике «Вторая половина», где женщина рассказы-

¹ Стиль и содержание «Профиля» начали несколько меняться к 2000 году, и в интервью «Второй половины», опубликованных после 1998 года, уже не уделялось столько внимания темам, отмеченным в данной статье. Возможно, это результат изменений в подходе к материалу и в составе редакторов журнала.

вает о любви, о семье, о проблемах, о конфликтах, мы хотим показать, что семья как таковая — главное в обществе. Да — карьера, да — страна, политика, да — зарабатывание денег, но все равно в конечном итоге важна семья, все равно все делается для нее, для детей. И каждый человек, абсолютно каждый, проходит через любовь, через детей, через жену, через мужа. Мне кажется, она очень теплая, добрая, эта рубрика, и знаете — как мыльная опера. Ее хочется читать².

Морозова отметила, что вначале было невероятно трудно подвигнуть могущественных мужей «сдать своих жен на растерзание журналистам», но постепенно сотрудники «Профиля» завоевали доверие, продемонстрировав способность «прикрыть» жен в этой еженедельной мыльной опере: акцент делался на ценности семьи вообще, подчеркивалась «теплота» в жизни богатых и сильных, а конфликты, в отличие от настоящих мыльных опер, показывались лишь в самых мягких формах. Вскоре, по словам Морозовой, жены стали ждать приглашения во «Вторую половину» и обижаться, если его не было. Говоря о людях «первой-второй величины» — героях предполагаемых интервью, Морозова заметила: «Эта тусовка — она же небольшая: они все друг друга знают, и если у кого-то взяли интервью, то почему у меня не взяли?»

Использование сленгового слова «тусовка», подразумевающее неформальное и эгалитарное общение, может показаться несколько странным по отношению к «властной элите... [к людям], чье положение позволяет им возвышаться над обыденной жизнью рядовых мужчин и женщин» (Mills 1954, 3—4). Но в определенном смысле выбор слова вполне точен, поскольку речь идет о замкнутой группе со своими подчеркнута особыми, вполне ею осознаваемыми, ценными и совместно поддерживаемыми дискурсами и практиками, образующими нечто вроде субкультуры. Любая «тусовка» может служить ареной, где происходит отграничение допустимого от того, что не принято, где определяются ценностные нормы и способы «самолегитимации», утверждаются авторитет и превосходство, обнажаются структурные конфликты и идеологические трения, как глубинные, так и ситуативные. Мыльные мини-оперы «Второй половины» — на поверхностный взгляд, просто легкий дивертисмент среди серьезных дискуссий о политике, промышленности, торговле и банках — высвечивают и осмысливают те же самые социальные процессы, хотя и в своеобразной ритуальной форме.

² Из магнитофонной записи интервью 3 октября 1997 года в Москве.

Точно так же, как и телевизионные мыльные оперы, чьими сюжетами движут две-три базовые темы (любовь, предательство, ревность и пр.), повествования «Второй половины» уместаются в довольно узкие тематические рамки. Ниже мы рассмотрим основные темы и вариации этой «педагогике привилегий», которую Джордж Маркус называет «внутригрупповым кодом» — «набором неких аксиом и представлений о мире и месте в нем данной группы, которые ее члены разделяют и которые выражают в ходе межличностного общения и самоутверждения» (Marcus 1983, 52). В историях «Профиля», безусловно, «закодированы» образ жизни и характер взаимоотношений в семьях элиты, причем функционирование присутствующего здесь кода способствует имеющему ныне место процессу социально-политического расслоения российского общества.

Кто в доме хозяин?

Похоже, самой важной из обсуждаемых «Второй половиной» проблем является проблема авторитета в семье: среди интервью я не встретила ни одного, где бы этот вопрос не был центральной темой разговора. Кто в доме хозяин? Чей авторитет выше? Кто принимает самые важные решения в семье? В той или иной форме интервьюеры всегда задавали этот вопрос женам влиятельных мужей. И хотя ответы различались (об этом чуть ниже), сама правомерность постановки такого вопроса ни у кого не вызывала сомнения. Другими словами, семья воспринималась как союз между мужем и женой, ключевым компонентом которого являлось понятие «авторитет». Семья — это территория властных отношений, где изначально эгалитаризм — хотя бы для вида — даже не предполагался.

Некоторые жены отвечали на вопросы об авторитете в семье более или менее традиционно. Ирина Кузнецова, жена Александра Починка (в момент опубликования интервью — главы Государственной налоговой службы³), например, говорит, что все важные решения в семье — что купить, как распорядиться деньгами — принимает муж, а она их выполняет (1997, № 30, 52). Татьяна Кулаченко, пикантная, сексапильная жена (с двадцатилетним стажем)

³ Все сведения о персонажах «Второй половины» относятся ко времени, когда соответствующие интервью были опубликованы; в последующие годы или месяцы многое у них могло поменяться — работа, статус мужа, семейное положение и т.д.

Почти никто из жен в своих историях не упоминает прямо более широкий социальный и экономический контекст. Да и интервьюеры не задают о нем вопросов. И все же в комментариях некоторых женщин отражается проблематичность этики «экономического релятивизма». Наталья Задорнова в ответ на вопрос, является ли ее муж, член Бюджетного комитета Думы, состоятельным человеком, тактично отвечает:

Было бы грешно жаловаться на бедность. наших с мужем зарплат нам вполне хватает на еду, одежду, отдых и другие необходимые расходы. Понемногу помогаем родителям-пенсионерам. Но к людям богатым мы тоже не принадлежим. Наверное, мы и есть тот самый средний класс, который в идеале должен составлять основу общества.

— И чем владеет «средний класс»?

— Живем мы в трехкомнатной квартире. Пользуемся государственной дачей (квартирой в коттедже)... Машина тоже казенная (1997, № 37, 51).

Совсем иная жизнь рисуется в повествовании супруги банкира. Лидия Кедровская рассказывает о своем двадцатилетнем стаже работы химиком-технологом и организатором производства на закрытом заводе, о карьере и идеологической эволюции своего мужа. Эдуард Сахаров учился сначала в Пищевом, а затем в Энергетическом институте (где он стал секретарем парторганизации), работал директором типографии, был депутатом Моссовета, оказавшись в итоге в Высшей школе менеджеров при Плехановском институте. Кедровская говорит, что в райкоме партии у него была репутация «убежденного коммуниста». И только когда он съездил на стажировку в Германию и увидел, как там живут, он совершенно изменил свою идеологическую окраску» (1997, № 41, 51)⁶. При этом, замечает Кедровская, «его карьера шла по нарастающей — не то чтобы скачок, а потом обвал» (там же) — т.е. как постепенный, «естественный» путь вверх. Дальше Кедровская рассказывает о семейных путешествиях: «Мы не ездим в очень дорогие места типа Ниццы. Меня тянет к экзотике — я люблю Мадагаскар, Перу, какую-нибудь глушь». Она также говорит, что ей не нужны слишком дорогие украшения и тому подобные вещи; если нужно, она может себе позволить купить еще одну шубу (там же, 53). Вслед за этим она соглашается с интервьюером, что она оптимист, не боящийся возврата коммунизма. «Хотя, конечно, — замечает

⁶ Вопрос о том, не была ли это жизнь *элиты* на Западе, вид которой заставил Сахарова изменить свои убеждения, остается без обсуждения.

Кедровская, — кому-то сейчас живется плохо, не все могут приспособиться» (там же, 54).

Сегодняшние новые буржуа — или же недавно легализовавшиеся буржуа: Кедровская жила в относительной роскоши и в качестве жены советского партийного функционера, — со спокойной уверенностью пользующиеся привилегиями своего статуса, обычно не видят ничего предосудительного в том, как трансформировались, в плане вознаграждения, их карьерные достижения по сравнению с остальными социальными группами. Единственная дежурная фраза Кедровской о том, что кто-то «живет плохо», на странице с фотографией породистой лошади и трехэтажного кирпичного дома говорят о далеко зашедшей идеологической приспособляемости. И история о том, как «не все могут приспособиться», становится одним из тех прототипических нарративов о выживании сильнейших, в рамки которых элита помещает свои рассказы об успехе и материальных достижениях.

Заключение: время и семья элиты

Мы должны понять, как эти механизмы власти в конкретный момент, в конкретных условиях и в результате конкретных трансформаций начали приносить экономическую выгоду и политическую пользу.

Мишель Фуко (Foucault 1980, 101)

В данной статье я коснулась лишь небольшой части того содержания, которое несут в себе ритуалоподобные, выверенные и уравновешенные интервью жен из элитного слоя российского общества. Я попыталась выделить некоторые ключевые темы, которые снова и снова — не без вариаций и непоследовательности, но тем не менее регулярно и с повторением деталей и общего тона — звучали в их рассказах о семье. Сами по себе эти темы не особенно интересны: все они сводятся в конце концов к выражению традиционных взглядов, представляющих собой смесь советских «семейных ценностей» и явно постсоциалистических, заимствованных у Запада или изобретенных на месте, буржуазных инноваций. Как мне кажется, гораздо интереснее было проследить в этих разговорах те элементы, в которых отразился гигантский — и далекий от завершения — процесс классовой трансформации и иерархизации постсоветской России.

по ее словам, «убожество». На вопрос интервьюера: «Комната в общежитии затерянного в снегах поселка вас не напугала?» — Ремизова ответила: «Нет. Тогда другие ценности были — нам нравилось преодолевать трудности. Я вообще была боевая». Она всегда работала и занималась хозяйством сама, безо всяких помощников. Но сейчас они живут в Москве, и она больше не работает: «Некогда. Сначала эту квартиру обустраивала. Потом — загородный дом» (1998, № 16, 54—55). И в рассказе Медухи, и в рассказе Ремизовой переход от жизни в общежитии к жизни в собственном загородном доме получается плавным и естественным. Однако для огромного большинства советской научно-технической интеллигенции, не испытывавшей такого «прогресса», и его «плавности», и его «естественности» едва ли являются самоочевидными.

Подчеркивая, что в их молодые годы главенствовали другие ценности и благодаря им даже трудности казались романтикой, Валентина Бородина говорит:

В Якутии мы прожили двадцать лет. Из них почти пять — в самой холодной точке нашей страны... Жили в бараке без всяких удобств. Иногда я вспоминаю, как плакала, когда мне, молодой худенькой женщине, в обеденный перерыв надо было таскать ведрами ледяную воду, чтобы заполнить огромную бочку... А на улице пятидесятиградусный мороз. Но, несмотря на все, это было самое лучшее время. Потому что мы были молоды и жили другими ценностями. Вечерами собирались на общей кухне — общались, играли в детский настольный футбол (1997, № 32, 52).

Рассказ Татьяны Чилингаровой о десятилетиях жизни за полярным кругом с мужем-исследователем говорит о том же: физические трудности можно было перенести благодаря общинному духу, царившему тогда среди людей, благодаря тому, что «соседи жили, как родственники» (1997, № 31, 52). Татьяна Бабурина тоже рассказывает, как они с Сергеем студентами работали в стройотряде:

И мы «весело» зажили под Ленинградом в заброшенном двухэтажном домике без водопровода, с печным отоплением, газовой колонкой и одной плитой на тридцать человек... Сережа помогал мне, вечерами стирал пеленки, и отряд считал его примерным отцом (1997, № 36, 50—51).

Наталья Задорнова подчеркивает отсутствие собственных политических амбиций, отзываясь с похвалой о положительных качествах своего мужа:

Я выходила замуж за студента, который еще только мечтал стать ученым, и менее всего в то время думала, перспективный он или нет. Мы вместе прошли через все трудности, которые подстерегают молодые семьи: работу, учебу, болезни ребенка, более чем скромный материальный достаток. Я, надо сказать, всегда чувствовала себя за Михалом, как за каменной стеной. Он не гнушался никакой работой, если того требовали интересы семьи (про учебу я уж и не говорю), успевал много читать, занимался английским. Он вообще очень организованный человек. Мне этого, кажется, как раз не хватает (1997, № 37, 49).

Вера Сидорова особо отмечает «простое» происхождение своего мужа Евгения, рассказывает, как он голодал на Урале, заболел туберкулезом, работал комбайнером и на обувной фабрике. Когда его выбрали депутатом от Тулы, она посоветовала ему рассказывать избирателям о своей жизни, чтобы они увидели, что он «нормальный человек, деливший все трудности со страной» (1997, № 28, 46). Чуть ниже она говорит, что «никакой особой протекции не было», когда ее муж стал министром культуры (1997, № 28, 47). По ее словам, их отношения с друзьями никак не изменились, но для нее самой многое теперь стало по-другому, так как ей приходится думать о том, как одеться на официальные приемы.

Владислав и Юлия Старковы сначала жили в коммуналке, в комнате 7,7 кв. метров, в которой для экономии пространства Владислав соорудил встроенные книжные полки и откидную мебель. Когда они наконец купили кооперативную квартиру, он оклеил комнату не обоями, а более дешевым коленкором с золотым рисунком. Чем-то это убранство напоминало супругам Большой театр. В 1990 году они получили («в подарок» от самого Бориса Ельцина) свою нынешнюю элегантную трехкомнатную квартиру, но большую часть времени они проводят на даче, которая принадлежала родителям Юлии и которую они переделали, расширили и стилизовали под модерн начала XX века. Там у них есть далматский дог, пекинес, две кошки и экономка/повариха Маша. К ним в гости приходят такие люди, как Алла Пугачева и Виктор Черномырдин (1997, № 23, 48—49). И снова естественным и будто бы даже неизбежным ходом вещей. В своем рассказе Людмила Уринсон также говорит о том, что они с мужем (министром финансов) получили квартиру в подарок — от Черномырдина. Их знакомые не могли себе представить, чтобы такой высокопоставленный чиновник жил в жалкой хрущевке. Идея о том, что элитные семьи должны иметь нормальное, удобное собственное жилье, становится у элиты аксиомой (1997, № 27, 46).

— Говорят, успешные предприниматели — далеко не сентиментальные люди и в семейной жизни ведут себя достаточно жестко. Ваш муж такой?

— Со стороны действительно может показаться, что Арас не умеет выражать свои чувства. Но он очень внимателен к моим желаниям. Например, когда сын еще был маленьким и я как-то сказала: «Хорошо бы иметь дачу у моря», Арас ее построил (1998, № 40, 53—54).

Из коммуналки в коттедж

Разумеется, не все жены рассказывают такие поразительные истории о мгновенном, как по мановению волшебной палочки, превращении в состоятельных людей. В большинстве случаев женщины подчеркивают и даже романтизируют первую часть своей жизни, укладывающуюся в поговорку о том, как «не было ни гроша, да вдруг алтын». Эта нарративная стратегия, с одной стороны, затушевывает классовое расслоение общества, а с другой — легитимизирует стремление подняться «наверх». Первое достигается рассказчицами путем акцентирования своего простого происхождения, которое характеризует практически всю советскую интеллигенцию (в широком значении этого слова), — часто это делается в рассказах о жилищных условиях. Второго они добиваются, представляя успех и привилегии элиты как «естественный» результат упорного труда, стойкости и самоотверженности.

В некоторых историях повествуется о трудной жизни в отдаленных регионах. Мужа Галины Медухи по окончании свердловского института «распределили» на работу на Колыму, и жена последовала за ним. Как женатому человеку, ему там дали отдельную комнату в общежитии. Приехав, Медуха обнаружила, что ничего, кроме узкой железной кровати и стола, в этой комнате не было. Питались они тогда главным образом картошкой. После Колымы они переехали в Коми, в нефтедобывающий регион Ухты, где прожили в общем и целом семнадцать трудных лет: работая на разных должностях, в суровых климатических условиях муж поднимался по ступенькам своей карьеры, перенося все испытания с истинно мужской стойкостью (1997, № 44, 53—54). Описывая путь семьи от жизни в бараке к сегодняшнему благополучию, Галина вспоминает:

Ему и в нашей первой комнате, в бараке, было нормально. Первую отдельную однокомнатную квартиру я получила, когда работала мастером в строительном управлении. Столько радости было! Дочка бе-

Любовь Ремизова.
«Во время путешествия по Франции Любовь Ремизову
приняли в клуб дегустаторов»
Профиль, 1998, № 16, 55

гала по квартире, кричала: «Мама, сколько здесь комнат — целых три!» Она за комнаты считала и кухню, и туалет. Я же всегда мечтала о своем доме. И я его построила! ...Я считаю, что за 36 лет своей строительной деятельности я этот дом заработала (1997, № 44, 55).

Любовь Ремизова познакомилась со своим будущим мужем в Тюмени, где они оба учились в Индустриальном институте. После распределения они жили в маленькой комнате в общежитии, в деревянном здании с отоплением, но без горячей воды. Информации получали мало, газеты приходили с опозданием на месяц. Но люди жили дружно, праздники вместе отмечали: «Комнаты были маленькие, и жизнь проходила в коридорах» (1998, № 16, 53). Приехав туда с дочерью через много лет, она поняла, какое это было,

морализирующего конца, как нет и предела материальным потребностям. Для многих женщин из богатых слоев миссия «менеджеров потребления» в конце концов пересиливает их увлеченность карьерой. Так, ученый-химик Кедровская оставила работу, для того чтобы надзирать за строительством, а затем и обслуживанием своего нового трехэтажного дома. Всякое чувство общинной этики исчезло под натиском обязательств ее нового социального положения:

Такой большой дом одной тяжело вести. Мы нанимаем женщин, которых, к сожалению, приходится часто менять. Профессиональных горничных у нас еще мало. Женщины, которые приходят даже через бюро, считают, что они мои подруги. Начинают говорить, что у меня что-то не в порядке. Какое им дело! Им нужно полы мыть... Или няня, которую мы взяли для внучки, садится передо мной с ногами на диван и даже не понимает, почему этого делать нельзя (там же, 53).

В ответ на вопрос о том, как ведет себя дома муж, Кедровская очерчивает уже знакомый абрис «правильного» поведения жены:

Все держится на нем. Иначе он не может. Поначалу я пыталась зарабатывать: «Я могу без тебя обойтись. У меня собственные деньги. Я зарабатываю почти столько же, сколько ты». Но поняла, что ему это не нравится. Равняться с ним бесполезно. Ему нужна маленькая, беззащитная, мягкая, красивая женщина. Я сама не люблю борьбу. Когда начинаешь кричать, мужчины замыкаются. А если сказать ласково, все сделают. Чтобы в семье был мир, женщина должна быть очень гибкой. Хорошо, когда мужчина после работы бежит домой. А для этого его нужно кормить, не ворчать на него и разговаривать с ним побольше (там же, 52).

Этот набор гендерных норм не должен размываться, потому что от правильного разделения труда зависит будущее:

Внучке сейчас три года. Я хочу воспитать из нее настоящую женщину. Она уже сейчас моет посуду, пытается готовить, накрывать на стол. Я считаю, что женщина должна все это уметь. Сколько бы у нее ни было денег (там же, 54).

Показательно, что внучку не готовят к занятиям наукой — характерного для социалистической эры поощрения женщин к интеллектуальному труду больше нет. Очевидно и другое — явная уверенность в том, что данная семья всегда будет при деньгах, — Кедровская, похоже, ничуть не сомневается в наследственном характере экономического статуса.

Лидия Кедровская.
«Когда мы поженились, муж сказал:
“У тебя будет собственный дом”»
Профиль, 1997, №41, 54

Приведу еще один пример, вернее отрывок интервью, в котором тоже чувствуется аромат волшебства, пронизывающий дискурс о семейной жизни элиты в «Профиле». Ирине Агаларовой (уже упоминавшейся супруге главы торговой империи) повезло, кажется, не меньше, чем жене рыбака из сказки. Один из вопросов «Профиля» звучал в форме утверждения некоей нормы:

У больших чиновников — домашние женщины. Так принято, так удобнее. Если муж делает карьеру, жена берет на себя детей, мужнины настроения и ощущения. Дом должен быть зоной особого благопритястования, дома должно быть хорошо, и ради этого женщины готовы отказаться от всего. Татьяна Шанцева ради карьеры мужа, вице-мэра Москвы Валерия Шанцева, на такие жертвы не пошла. Она состоялась как профессионал — работает зампредом в Московском региональном отделении Федеральной комиссии по ценным бумагам (1997, № 40, 49).

Однако, как видно из нижеследующего, дальше этого исключения не идут: «При этом, по утверждению вице-мэра, она великолепная хозяйка. Но самое главное — она первая подруга своих дочерей и сына, а для Валерия Павлиновича — любимая женщина» (там же). Несмотря на жесткие требования своей *новой* карьеры — раньше она работала инженером в авиакосмической области, — Шанцева сама готовит и ведет хозяйство, потому что у вице-мэра, разумеется, нет времени беспокоиться о домашних делах.

Намеки на иную модель семейных отношений появляются и в интервью жены губернатора Брянской области Елены Лодкиной. Эту модель интервьюер даже называет «идеальной», отмечая, что супруги влюблены друг в друга, как Ромео и Джульетта. Лодкина работает инженером на военной фабрике и получает (нередко с опозданием) 250 рублей в месяц. Она не занимается политикой, но часто сопровождает мужа в его деловых поездках. Он говорит: «Если она поддерживает меня в трудную минуту, хуеет из-за меня на семь килограммов, то почему не должна делить со мной радости жизни?» На вопрос, помогает ли она мужу в работе, Елена отвечает: «Я в его дела не встречаю. Обеспечиваю моральную поддержку. И еще я считаю, что на любой должности надо оставаться порядочным человеком» (1998, № 26, 57).

В завершение — романтический штрих. «Помогает ли вам муж по дому?» — спрашивает интервьюер. И Лодкина отвечает:

Сейчас, конечно, нет. А раньше все делал. Вот эту дачу построил сам... Он и обед приготовить мог. Знает сто картофельных блюд. Даже яичница у него особая. Раньше в субботу и воскресенье говорил нам с дочкой: «Вы отдыхайте, а я завтрак приготовлю». Кофе мне в постель приносил (там же).

Насколько уверенными в собственном мужском обаянии и в своей власти должны быть некоторые мужчины (губернаторы, способные, однако, своими руками построить себе дачи), чтобы позво-

лить себе по выходным приносить жене кофе в постель? На фоне интервью, в которых мужа привозят в награду женам дорогую одежду и обувь или же отделываются букетами цветов, этот рассказ звучит как-то особенно трогательно: здесь мы видим редкий случай, когда взаимные романтические чувства не ищут выражения в вещевых эквивалентах. В примерах, которые следуют ниже, этот контраст особенно очевиден.

Музы и принцы

Лидия Кедровская — жена вице-президента банка «*Российский кредит*». В шапке, предвещающей интервью с ней, речь идет о расхожем представлении, которого мы уже касались: богатые мужья часто меняют жен. Однако этот ход нужен лишь затем, чтобы опровергнуть сложившееся мнение:

Кедровская считает, что музы бывают не только у поэтов и художников. Ради любимой женщины мужчины с не меньшим энтузиазмом штурмуют бизнес. Сама Лидия Кедровская из тех, кто умеет вдохновлять. Может, именно поэтому ее брак с Эдуардом Сахаровым успешно продолжается вот уже около тридцати лет. История их жизни опровергает сложившийся стереотип, что удачливые мужчины меняют жен с частотой, равной новым достижениям в бизнесе (1997, № 41, 51).

Кедровская делится секретом своего долгого и счастливого брака:

Есть такие мужчины, которые ради женщин делают карьеру, строят дома, открывают банки... Женщина должна быть каждый раз новой в своих желаниях. Мой муж, скорее всего, до сих пор любит меня, раз старается их удовлетворить. Когда мы поженились, он сказал: «У тебя будет собственный дом, ты не будешь ни в чем нуждаться». И я была уверена, что так и будет (там же).

Сказка о власти и богатстве пересекается здесь с романтическими фантазиями о семейной идиллии: женщине (в данном случае — жене бывшего «убежденного коммуниста») стоит только захотеть, и ее муж с помощью своих почти сверхъестественных возможностей, словно в «*Сказке о золотой рыбке*», тотчас добудет для нее желаемое.

Пушкинская притча как нельзя более точно подходит для описания жажды потребления, обуявшей россиян в первую постсоциалистическую декаду. Впрочем, в жизни, в отличие от сказки, нет

Муж Валентины Бородиной, оставив пост мэра Якутска, стал управделами при Ельцине и распоряжается кремлевским хозяйством, правительственными дачами и машинами. С таким мужем у Валентины, наверное, целая армия слуг? — интересуется интервьюер:

Нет, что вы... Это только кажется, что, если у мужа такая должность, я живу, как королева... У меня нормальная жизнь. Я все делаю сама: готовлю, убираю, стираю, кормлю собак и людей. Каждый раз, опуская белье в стиральную машину, благодарю человека, который придумал это чудо. Я даже не могу себе представить, как можно просто сидеть и смотреть телевизор. Раньше, в молодости, Павел любил готовить... Буквально до последнего времени я стирала, а он гладил» (1997, № 32, 53).

На вопрос, не благодаря ли влиянию мужа многие двери открываются перед ней, Бородина отвечает, выходя далеко за рамки такого приземленного объяснения:

Кто в этой жизни мне поможет, как не муж и не Бог?.. Все, что я рассказываю о себе, на самом деле рассказ о моем муже. Он сделал меня решительной и сильной. Я ведь была совсем другой, говорила тихим голосом (там же, 49).

В такие моменты читатель чувствует, что ему вот-вот представят формулу любви (которую журналистам «Профиля» очень хотелось бы вывести). Главное в этой формуле — ее насыщенность силой традиции и даже религии: Бог соединяет мужчину и женщину, мужчина создает женщину (лепит ее характер), а она, в свою очередь, до самой смерти служит ему опорой и защитой:

Были ли моменты, когда вам приходилось защищать своего мужа? — «Я всю жизнь его защищала, вся моя жизнь — это его защита. У меня внутри такая потребность его защитить, словно я его сама родила. Я готова за него нести страдания, терпеть муки. Даже думаю, что могла бы, наверное, убить за него (там же, 54—55).

Неопасное отклонение

Некоторые интервью «Второй половины» ломают рамки стандартных нарративных моделей, однако сила доминирующих образцов все равно чувствуется и в текстах, и в «подаче» материала редакторами «Профиля».

Юлия Старкова — жена главного редактора «Аргументов и фактов». Детали рассказа вкуче с фотоснимками помогают предста-

вить ее как женщину с широким интеллектуальным кругозором. Юлия говорит, например, о своей любви к искусству, которую она питает всю жизнь и которую с ней разделяет муж. В самом начале статьи, в ответ на похвалу журналиста поданному чаю, она говорит:

Домашнее хозяйство никогда меня не занимало. И я никогда не была хранительницей домашнего очага. Конечно, это не означает, что квартиры не убрана, в холодильнике нет продуктов, на столе — обеды. Но я всегда стремилась побыстрее расправиться с домашними делами и заняться работой, а после успеть на спектакль или концерт. Так что образцовой женой в традиционном смысле слова меня назвать нельзя (1997, № 23, 47).

Чуть позже она объясняет, что не является и «традиционной матерью»: свою дочь она родила довольно поздно (ей было «за 30») и вскоре после родов вышла на работу, в Гидрометцентр, на свою прежнюю должность научного сотрудника. Не провозглашая себя феминисткой, Старкова тем не менее отвергает (для себя) стандартные модели женского поведения (как советские, так и постсоветские). В отличие от большинства остальных жен, она описывает принципы своей семейной жизни с юмором, хотя и опирается на одну традиционную идею:

Помните, как на Руси в деревнях говорили? Жалеешь его? Значит, любишь. Я принимаю его таким, какой он есть, — с его всеядным характером, страстью переставлять мебель в квартире, с его бесчисленными друзьями, лазанием по горам, с категоричными суждениями. Я просто им очень горжусь (там же, 50).

Галина Лебедева, жена Владимира Жириновского, также производит впечатление женщины с характером сильным, под стать темпераменту своего скандального мужа. От ее ответа на вопрос: «Каков долг супруги Жириновского?» — веет даже чем-то милитаристским:

Прежде всего не мешать, а всячески способствовать его карьере. Нужно смотреть не друг на друга, а в одну сторону. Так должна поступать каждая женщина, если она хочет, чтобы ее муж чего-то добился (1997, № 35, 55).

В одном из предваряющих интервью абзацев принята норма прокламируется без обиняков, но с традиционной оговоркой об исключениях из правил, каковым является, например, семья Татьяны Шанцевой:

ботала «домашним психологом», а не занималась карьерой. В этом комментарии видны и иерархизированность внутреннего устройства буржуазной семьи, и привилегированное положение тех, кто может себе позволить держать дома высококвалифицированных профессионалов.

Наталья Задорнова, жена депутата Думы от Камчатки, говорит:

Я с большим уважением отношусь к женщинам, которым удается сделать карьеру. Но у меня такого стремления нет. Думаю, когда оба супруга делают карьеру, они могут потерять семью. Если муж занимает ответственный пост, у него должен быть надежный и прочный тыл. Его-то я и обеспечиваю (1997, № 37, 51).

Несмотря на то что Задорнова «обеспечивает тыл», будучи (при этом) журналисткой одного из ежемесячных изданий, ее работа в интервью затронута лишь вскользь.

Некоторые героини говорят о строгом соблюдении приоритетов: работа — это хорошо, но для женщины на первом месте — семья. Ирина Кузнецова работает в коммерческой фирме и больше ничем, в смысле внесемейной активности, не занимается, потому что «так много дел по дому». По ее словам, муж трудится в таком бешеном темпе, что она «вращается вокруг него, как спутник, на той же скорости» (1997, № 30, 52). Метафора весьма красноречива: у мужской планеты сила социального притяжения больше, чем у женской.

Пожертвовать своей карьерой для женщины, что может себе позволить, конечно, лишь представительница высших слоев, — похвально. Лада Фетисова — жена легендарного хоккеиста Вячеслава Фетисова — показательный пример. В России она была известной моделью и актрисой, но когда муж заключил контракт в США, она стала домашней хозяйкой. Пыталась было работать в модельном бизнесе, но как только появилась «производственная необходимость» отлучек из дома, она ушла. По словам Лады, ее муж не может даже воду вскипятить — не приучен. О нем, как и о других знаменитых спортсменах, всю жизнь заботились, и он совершенно не приспособлен к решению бытовых проблем. Сейчас он может поджарить шашлык, но маринад готовит она. На вопрос, не жалеет ли она обо всем, что оставила, Лада отвечает:

Если говорить серьезно, в жизни есть вещи, гораздо более важные, чем карьера. Например, здоровье близких людей, покой семьи... Женщина может прожить без собственной карьеры и быть счастлива. Пото-

му что у нее есть муж, который любит и каждый день говорит об этом, и ребенок, который утром просыпается, целует в щечку и лепечет: «Мамулечка, что мы будет делать сегодня?» (1998, № 31, 56).

О равнодушии мужчин к домашним делам некоторые женщины говорят спокойно и даже весело, как о чем-то само собой разумеющемся. Галина Медуха:

Он живет работой. Все, что касается дома, на мне. Я в начале нашей совместной жизни еще как-то пыталась его приобщить к домашним делам, но из этого ничего не вышло. Поэтому, когда мама стала ко мне приставать: «Почему он не выбивает ковры?!», я ей сказала: «Давай выбирать — или я останусь с мужем, или с чистыми коврами» (1997, № 44, 55).

Со временем этот выбор оправдал себя: сейчас ее муж — глава Республики Коми, а у нее — своя строительная фирма.

Во многих историях «Второй половины» главной темой становится полная слитность матерей с детьми при практически полном — а иногда и абсурдно долгом — отсутствии в доме отцов. При этом жены не жалуются, потому что материнская самоотверженность в семье есть зеркальное отражение отцовской самоотверженности в общественной жизни. В этом смысле буржуазная семья, безусловно, является опорой буржуазного/неолиберального государства. Людмила Уринсон, жена Якова Уринсона, вице-преьера и министра экономики, говорит: «Детьми у нас в семье занимаюсь я. В какой школе учится наша старшая дочь, муж узнал только на выпускном балу. И если что-то не так, все претензии ко мне» (1997, № 27, 43). Ей вторит Татьяна Чилингарова. «Какой отец Чилингаров?» — спрашивает интервьюер. «Нежный, добрый, но мало видящий своих детей», — отвечает Чилингарова.

Можно сказать, они воспитываются его светлым образом. Как-то за воскресным завтраком, на который мы стараемся собираться все вместе, я сказала Артуру, что дочка закончила девятый класс на пятерки. «А что, разве раньше она училась хуже?» — спросил муж. Но осуждать его за невнимательность я не могу. Он работает и делает это для нас. Мы им гордимся (1997, № 31, 53—54).

И все же завершает ее историю грустная нота, звенящая мистикой женской доли: «Я давно поняла, что женщина всегда одинока в семье. Дети, которые поначалу требуют очень много сил и времени, вырастают. Мужья занимаются своими делами. И женская невысказанность остается» (там же, 55).

характерно стремление символически преуменьшить значение собственной работы вне дома и соответственно повысить важность своих домашних трудов. В какой-то степени, возможно, это обусловлено страхом остаться одной, страхом, который во многом подпитывается атмосферой нестабильности в обществе, превалирующими социальными силами и соответствующим дискурсом. Вряд ли случайно воцарение неолиберальных экономических систем совпало с активным обсуждением в СМИ и в частых беседах историй о том, как могущественные мужчины меняют на молодых своих «старых» жен, чуть только те перестают им угождать.

Женщины — товар, в широком рыночном смысле, и на уровне микрокосма отец-буржуа становится главным производителем и главным арбитром в этой системе. Для опровержения — и для подтверждения — подобных идей депутат Сергей Бабурин приводит в пример себя, специфическим образом восхваляя собственную супружескую верность (и похода — свою мужскую силу!):

Когда я просматриваю биографические справки и замечаю, и вижу, что у некоторых моих коллег-политиков по трое детей, то про себя думаю: надо уточнять, что от нескольких жен. Вот у меня трое детей от одной женщины (1997, № 36, 49).

Нормативные композиции

Интервью Веры Сидоровой, супруги министра культуры Российской Федерации, хорошо показывает, *что* лежит в основе чувства семейной защищенности. Предваряющий прямую речь параграф содержит следующее гендерное открытие: «Вера Сидорова... заставила нас усомниться в правоте классика, утверждавшего, что все счастливые семьи счастливы одинаково. Счастье — рукотворно и в первую очередь зависит от женщины...» (1997, № 28, 45). Но женщина делает свое дело, окутанная надежной мужской защитой. Восторженно говоря об этом, Сидорова касается и привилегированного положения своей семьи. Однако привилегии — это не главное:

Я совершенно защищена. И не деньгами, не тем, что он меня устроит в какую-то элитарную больницу, если я заболею. Просто у меня есть друг. Когда я ссорюсь с подругами, он мне всегда говорит: «Дружи только со мной, и ты не ошибешься». Мне всегда спокойно. Он не предаст. Это серьезный, цельный и нравственный человек... Поэто-

му я стараюсь все-все-все сделать, чтобы ему было хорошо (1997, № 28, 45).

Она встает рано, чтобы приготовить завтрак и проводить мужа на работу; содержит в порядке всю его одежду, выстиранную-выглаженную: вдруг ему понадобится поехать в срочную командировку — одним словом, делает все, что только может, чтобы ему *ничего* не приходилось делать по дому. «И, — заключает она, — он всегда доволен».

Татьяна Кулаченко уверена, что именно таковы нормы пололевого поведения и что они предопределены природой:

Я была воспитана с четким убеждением, что всю работу по дому должна делать женщина, поэтому муж с самого начала совместной жизни был освобожден от хозяйственных проблем. Кстати, я искренне не могу понять, зачем мужчине мыть посуду или ходить за покупками. В моем представлении это все равно что мужчина начнет вышивать крестиком. Женское дело есть женское дело. А домашняя работа мне никогда не казалась хлопотной (1997, № 26, 51).

На вопрос, что делать, если муж приходит домой в плохом настроении, она тут же приводит свой рецепт, невзначай упоминая социальное положение мужа:

Сразу же накрываю на стол, кладу ему на тарелку большой кусок мяса и ни о чем его не спрашиваю. Я всегда знала, что семейная жизнь мало отличается от обычной. Но сохранить и удержать ее может только женщина. Поэтому я никогда не позволяла себе ходить дома в халате и в старых вещах. Мужа весь день окружают хорошо одетые люди, так почему дома он не должен видеть такую же ухоженность? (1997, № 26, 52).

Жена главы Восточно-европейского страхового агентства Александра Карпова, Ярослава, тоже говорит, что ради мужа должна прилагать определенные усилия, но она делает это с поправкой на свое положение работника умственного труда:

Быть женой генерального директора крупной компании — дело нелегкое. Надо не только оставаться привлекательной внешне, но и постоянно работать над своим внутренним миром. При этом не забывая о сохранении уюта в доме (1998, № 10, 51).

Карпова — кандидат математических наук, раньше она преподавала в Новосибирске, а в момент беседы с «Профилем» готовилась получить ученую степень по психологии. Тем не менее муж, говорит Ярослава, хочет, чтобы она — по крайней мере, пока — пора-

циальных условий привычный облик власти. Советские формы патернализма себя исчерпали: новый «босс» — или же муж — может быть и авторитарным, и демократичным, но ни одна из этих характеристик не подразумевает прежнего педантичного и патерналистского стиля руководства эпохи позднего социализма. «Узаконивая» и даже фетишизируя семейный авторитет мужей в выбранных для «Второй половины» историях, героини как бы подтверждают и правомерность их общественного авторитета.

Безусловно, «повернутый лицом к публике» образ мужчины — представителя российской элиты влияет на *внутрисемейные* идентификации; но он также откладывает свой отпечаток и на классовую стратификацию всего постсоциалистического общества. Социолог Елена Мещеркина, изучая в ряде фокусных групп изменение социального восприятия маскулинности, пришла к выводу, что и в условиях явного ухудшения собственных экономических перспектив российские мужчины — представители среднего класса стараются сохранить свою идентичность. Они гораздо «чувствительнее» — в отличие от мужчин-рабочих — к «буржуазной» маскулинности элит и к рыночной пропаганде «неограниченных возможностей». Как «добытчики», в настоящий момент они чувствуют себя гораздо менее уверенными, чем при социализме, когда, несмотря на то что нужно было работать и мужчинам и женщинам, мужчины ощущали себя, в соответствии с общепринятым представлением, эффективными «кормильцами».

Сопоставление рассказов мужчин среднего класса об их неудачах и унижениях с прославляющими маскулинность речами «Второй половины» позволяет понять, что для всех поставлено на карту. По словам Мещеркиной, «свое предназначение мужчины формулируют как чувство ответственности за близких/семью, что одновременно порождает иерархическую систему, в которой ответственность сопряжена с правом» (Мещеркина 2002, 281).

И хотя некоторые жены (Агаларова, Ремизова и др.) называют своих мужей «демократами», способными поделиться властью, из того, как они говорят об этом, ясно, что принятие решения о характере политического «режима» в семье — а значит, и о его формировании — принадлежит мужчине. В большинстве случаев он делится *своей* властью. Общественный авторитет, политический капитал или экономический статус мужчин элиты столь высоки, что при желании выглядеть «демократичными» они *могут себе позволить* отказаться от власти в пользу своей «второй половины». «Демократия» как идеологический или политический ресурс в се-

мье, как и в политике и бизнесе, принадлежит элите, которая может поделиться им или придержать у себя, в зависимости от желания.

Образцовая жена, уютный дом

С одной стороны, очевидно, что гендерные идеологии формируют модель «правильной» семейной жизни, но также можно увидеть, что они играют роль и микрокосма, и фундамента социальной системы в целом. Возможно, именно потому, что в классово-расслоенном обществе «бенефициариями» социальной системы оказываются прежде всего сами элиты, в своем публичном дискурсе жены из этого слоя поддерживают наличествующую гендерную идеологию особенно горячо и единодушно, даже если они и не следуют этой идеологии на деле. В речах героинь «Второй половины» почти безраздельно властвует один и тот же архетип: семейная жизнь есть царство женщины. Неудивительно, что в это понятие входит создание уютного «гнездышка», куда мужчины возвращаются, чтобы быть накормленными и получить похвалу за свои подвиги в жестком мире политики и бизнеса. Все без исключения жены, даже работающие на высокооплачиваемых должностях, говорят о необходимости такого «гнездышка» для своих мужей. Независимо от того, кем работают сами героини «Профиля» — а они могут быть врачами, научными работниками, хозяйками бизнеса, руководителями высшего звена, — все они радостно ставят на первое место свои труды на семейном поприще. Из сорока двух прочитанных интервью исключением в этом отношении стали лишь несколько. Таким образом, пресловутая «двойная нагрузка», от которой страдали женщины при социализме (и которая тяготит большинство работающих женщин везде), не исчезла, хотя изменившиеся детали быта и современная домашняя техника смягчили ощущение гнета.

В комментариях жен семья элиты предстает некоей священной обителью, привилегированным местом, надежно защищенной гаванью, возведенной общественными трудами мужчины, но обретшей уют жилья исключительно благодаря женскому старанию. В своей дискурсивно-идеологической практике женщины элиты делают то, что антрополог Шерри Ортнер называет «отказом от деяния» (Ortner 1996, 9). И хотя в реальности они могут не отказываться ни от какой деятельности — не оставляют свои карьеры и не становятся рабынями мужей, — тем не менее для многих из них

Любопытно, что в описаниях семьи нередко используются политические термины, как будто семья — это нечто из области политики. Жена Араса Агаларова, владельца торговой империи «Крокс», Ирина вместе с подружкой открыла в Москве сеть салонов. На вопрос, помогал ли ей муж начать свое дело, Ирина отвечает, что он давал советы и помогал на начальном этапе. «А не пытался ли он как-то ограничить вашу *самостоятельность*?» — спросил интервьюер. «Нет, — сказала Ирина, — в этом смысле он очень *демократичный* человек. Я сама решаю, чем мне заниматься и как тратить деньги» (1998, № 40, 53; курсив мой. — Н. Р.)⁵.

На первый заданный ей вопрос — кто глава вашей семьи? — Любовь Ремизова, супруга заместителя председателя правления РАО «Газпром» Валерия Ремизова, отвечает в том же стиле:

Я всегда мужу говорю: *командовать* ты будешь на работе, а дома *командую* я. Он слушает, но делает по-своему. Никакого *диктата* у нас нет, мы всегда находим *компромисс*. Так что, можно сказать, у нас *двоевластие* (1997, № 36, с. 49; курсив мой. — Н. Р.).

Почему семейные отношения описываются языком политики? Семья как «демократия», в отличие от семьи-«диктатуры», или же семья как система «двоевластия» — это отнюдь не универсальные способы концептуализации брака. Не является ли данная инверсия символов одной из самых ярких «идеологических примет» постсоциализма? Антрополог Катрин Вердери, говоря о сходном политическом развитии Советского Союза и стран Восточного блока, замечает, что

социалистический патернализм строил свои «нации» на основе представления об обществе как о семье, возглавляемой «мудрой Партией», которая, наподобие отца, принимала все связанные с распределением решения: кто что должен производить и какое вознаграждение получать, — и выходило некое «государство-родитель» (Verdery 1996, 9).

По статьям «Профиля» видно, как при помощи дискурса элиты этот патернализм активно «закачивается» в семейную сферу, хотя для характеристики своей жизни часть семей прибегает и к альтернативному концептуальному фетишу — «демократии».

⁵ Значительная часть этих рассуждений о власти касается вопросов покупок, проведения отпуска, выбора одежды. В популярной культуре позднего социализма, особенно в юморе, такие вещи были в основном сферой компетенции жен.

Ирина Агаларова: «Измениться не может никто, а стать лучше может каждый»
Профиль 1998, №40, 55

Многие исследователи постсоциалистических гендерных процессов утверждают, что переход отеческой власти от государства к отцу есть ключевой элемент неолиберальных преобразований. В духе Фуко, я уточнила бы, что эти преобразования не являются функцией «спускания» властных полномочий сверху или их уступки центром; скорее сами люди осваивают и распространяют «в местном масштабе» «новые» формы управления, которые затем могут стать моделью для более широких сетей контроля в обществе.

Семья — как понятие, так и реальность — становится местом (или, по выражению Пьера Бурдьё, социальным полем), где (пере)осмысливаются, (ре)формируются и действуют многосложные механизмы власти. Семья элиты постсоциалистического общества может рассматриваться как стартовая площадка, на которой проходит испытание и экспонируется меняющийся под влиянием со-

Анатолия Кулаченко, директора по новым технологиям Академии по изучению вопросов национальной безопасности, на вопрос, кто теперь, когда она стала учредителем журнала («Доберман»), принимает решения в ее семье, отвечает: «Я с удовольствием подчиняюсь мужу, мне в радость моя зависимость, потому что это дает порядок, мир и покой в семье» (1997, № 26, 52). Но в отношениях с детьми она заметила перемену:

Когда я долгие годы не работала, они считали единственным непрекаемым авторитетом отца. Он был самым уважаемым в семье, а я была своей, домашней и привычной. Когда я стала выпускать журнал, то почувствовала не столько перемену отношения к себе, сколько «изменение градуса»: они стали относиться ко мне так же, как к папе (там же).

В том же духе высказывается и первая леди республики Коми Галина Медуха, директор строительной фирмы, называющая себя «эмансипированной женщиной»: «Я всегда считала, что хозяином в доме должен быть мужчина. Во-первых, для ребенка слово отца у нас — закон. Марину он никогда не наказывал — достаточно было одного его взгляда» (1997, № 44, 55).

Мария Минц, жена чиновника из Иванова, переехавшего в Москву на работу к Чубайсу, говорит, что сама она не сильная женщина и что, когда возникают серьезные проблемы, она предпочитает прятаться за мужа. Он очень ответственный человек; он дает ей советы даже при покупке одежды, убеждая приобретать меньше вещей, но хорошего качества, классику. «Такое доверие и такое взаимопонимание встречаются нечасто», — комментирует интервьюер, на что Минц, несколько противореча сама себе, отвечает:

А все потому, что в нашей семье нет главы. У нас привычка все решать вместе. Она возникла восемнадцать лет назад, с самого начала. Поэтому мне и нравятся студенческие браки... Мы начинали с чистого листа. Равное положение, равный бюджет. Может быть, поэтому, несмотря на то что в нашей жизни было много перемен, кардинально у нас ничего не изменилось (1997, № 43, 56).

Свои ответы о семейном авторитете некоторые жены прикрывали иронией, одновременно и ниспровергавшей, и поддерживавшей авторитет своих мужей. Так, по словам жены Юрия Лодкина (губернатора Брянской области) Евгении Алексеевны, ее муж «хочет, чтобы было, как он сказал. Но я всегда делаю, как сама считаю нужным» (1998, № 26, 57). А вот что сказала Татьяна Чилингарова, жена вице-спикера Думы (депутата от Чукотки) Артура Чилингарова:

«Ирина Кузнецова знает, чем купить налогового служащего»
Профиль 1997, № 30, 49

«Несмотря на то что Артур бывает дома крайне редко, он однозначно глава семьи, и я всегда чувствую его руку. Ни одно серьезное решение я не принимаю без него. Я знаю, что его слово будет для меня нужным и весомым. Я могу возражать, могу с ним спорить, но так как я полностью доверяю своему мужу, то решения принимает только он». При этом она тут же добавляет самое важное: «Хотя переварив ту наживку, которую я закинула» (1997, № 31, 54).

Такие речи очень ясно выдают определенную женскую стратегию: надо всегда создавать у мужа впечатление, что глава семьи — это, безусловно, он, и всячески это впечатление поддерживать⁴.

⁴ Для сравнения: социолог Вероника Джарис Тиченор обнаружила, что в США в семьях, где женщины зарабатывают больше своих мужей, они постоянно принижают собственный статус в семье и поддерживают убежденность мужей в том, что именно они являются главами семей (Tichenor 1999).

В своей статье, опубликованной в 1981 году и получившей широкую известность, психолог Джесси Бернанд, анализируя образы мужчины и женщины в США на протяжении XIX—XX веков, приходит к выводу о том, что переход от одной формы капитализма к другой (т.е. от колониального к индустриальному и затем к корпоративному) сопровождался и изменением роли мужчин/отцов/мужей, которые шаг за шагом превращались из «добытчиков» в «хороших добытчиков». Как пишет автор, «именно жадное стремление к достижениям, к успеху, к победе и возвысило «добытчика» до роли «хорошего добытчика»» (Bernard 1981). Параллельно с этим женщина была «понижена в роли»: из признанного партнера/содобытчика она превращалась в нуждающуюся в защите иждивенку и потребительницу мужской добычи; постепенно, но весьма заметно обесценивалась и продуктивная деятельность женщины. Хотя некоторые всплески общественного признания роли женщины и имели место (особенно в военное время), только начиная с 1970-х годов она стала вновь (медленно) возрастать в цене — и в реальности, и в идеологии.

Очевидно, что у России опыт иной. Специфика эволюции гендерного опыта и гендерных ожиданий в Российской империи, СССР и постсоциалистической России становится самостоятельной темой общественных наук. Изучение тонкостей и превратностей этого процесса, разумеется, не входило в задачу данного очерка. Однако, судя по интервью «Профиля», один аспект российского опыта очевидно выходит за рамки национальной специфики: мужья героинь «Второй половины» действительно выступают не просто добытчиками, но «хорошими добытчиками». Даже в тех немногих случаях, когда женщины — главным образом жены депутатов Думы, по политическим соображениям сообщающие заниженные данные о доходах мужей, — «все-таки» зарабатывают больше своих супругов, они все равно в конечном счете рисуют мужей основными создателями материального и психологического семейного благополучия. На фоне усилившейся — по сравнению с социалистическим периодом — уязвимости положения «простых» женщин во всех постсоциалистических странах жены элиты стараются подчеркнуть именно свою уверенность, свою физическую, психологическую и эмоциональную защищенность «каменной стеной» мужской силы — стеной, которую могут соорудить лишь «хорошие добытчики».

Еще сто лет назад Макс Вебер убедительно показал, что, для того чтобы придать классовому расслоению легитимный статус,

капитализм рано или поздно начинает испытывать потребность в особом дискурсе. Для Европы и Северной Америки, по Веберу, подобная дискурсивная функция воплотилась в «протестантской этике» — сложной теолого-экономической смеси, которая со временем пронизала идеологию всех слоев общества; ее отголоски еще и сейчас хорошо слышны в тонких — и не очень — рассуждениях о труде, моральных правах и «успехе».

Нарративы о гендерных отношениях, поставляемые женами в «Профиль», являются частью сегодняшней «культурной педагогики» — науки новой и неумолимой капиталистической этики. Здесь нет, разумеется, осознанной цели или какого-то «заговора» со стороны интервьюируемых. Их частные истории тем не менее вливаются в широчайший поток дискурсивного материала, идейное содержание которого одинаково довлеет над мужчинами, над женщинами и надо всем обществом в целом, постепенно отвердевая в представление о естественности классового деления, классовых различий и привилегий. Распознать это всеобъемлющее представление почти так же трудно, как и усомниться в его верности.